УДК 316.346.2-055.2 + 347.631 + 366.4-055.2 + 396

Л. А. Мясникова

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ: ПОЛ-ФУНКЦИЯ И ПОЛ-СУЩНОСТЬ

В статье рассматриваются основные элементы женского самоопределения: телесность, сексуальность, партнерство, материнство, профессионализм, потребление. Уточняется понятие пола. Выявляются два основных аспекта пола: пол-функция и пол-сущность. Пол-функция понимается как биопсихофизиологическая определенность. Пол-сущность — как сложное сочетание пола-функции и гендера, как родовое единство и в то же время многообразие способов «быть женщиной».

Именно уточнение понятия «пол» отличает данную статью от описаний женщины, представленных в гендерных теориях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: женщина, пол-функция, пол-сущность, гендер, самоопределение женщины, телесность, сексуальность, партнерство, материнство, профессионализм, потребление.

В огромном количестве зарубежных и отечественных работ в рамках гендерных исследований, казалось бы, выявились самые разнообразные аспекты понимания женщины. В связи с этим встает вопрос: насколько необходимо и актуально в современных условиях исследование самоопределения женщины? В имеющемся обилии работ и разнообразии аспектов понимания женщины все же по-прежнему доминирует представление о гендерном конструировании, нивелировании природно-биологического в пользу социокультурного. Иначе говоря, гендер настолько «заслоняет» собой пол, что женщина «становится набором символов и цитат». Однако такой подход наблюдается в теории. Реальность женского существования, напротив, выявляет пол как основание самоопределения. При этом ясно, что понятие «пол» нуждается в теоретическом прояснении. Просто сказать, что пол — биологическая данность, уже недостаточно. Классическая философская антропология понимает человека как

© Мясникова Л. А., 2014

существо, биологически недостаточное. Биологическая недостаточность предполагает «доделывание» человека до жизнеспособного состояния. Эта достройка (перестройка, конструирование) осуществляется через изменение окружения (среды обитания) и самого себя. М. Шелер справедливо утверждал, что человек над миром природы надстраивает мир ценностей и идеалов и преобразует природный мир в мир культуры [15]. Поэтому отрицать конструирование, доработку человеческой природы абсурдно. Но вместе с тем не менее абсурдно отрицать природные основания бытия человека, в частности пол.

Работы Гейл Рубин положили начало традиции рассмотрения пола как биологической данности, того, что не может изменяться, а гендера — в качестве социальной конструкции, основанной на психологических, культурных и социальных условиях существования человека. В дальнейших исследованиях пол стал пониматься не как неизменная природная данность, а как биологически изменчивое, трансформирующееся основание, приобретающее социальный статус. «Пол скорее воспринимается как континуум, составленный из хромосомного пола, гонадального пола и гармонального пола, которые все работают в присутствии и под влиянием различных сред» [10, *187*]. То есть пол и гендер необычайно сближаются, и вводится понятие «сконструированного пола», а также «принадлежность по полу». Фактически речь идет о том, что если расхожая (и основная) бинарная оппозиция мужчина/женщина, где критерием разделения служат гениталии, не срабатывает, то учитываются другие критерии: хромосомный набор, гормональный фон, гонадальная деятельность. «Принадлежность по полу» предполагает наличие закрепленных повседневностью дисплеев, матриц, идентификационных маркеров «мужского» и «женского». Фактически различие понятий «пол» и «гендер» стерто в пользу последнего.

Итак, ясно, что пол нельзя сводить к некой анатомо-физиологической неизменной величине, а с другой стороны, к биологическому субстрату, который «снимается» в социокультурном, т. е. подменяется гендером.

Более детальная дифференциация позволяет выделить «пол-сущность» и «пол-функцию», о чем мы уже писали ранее [9].

Пол-функция понимается как *телесно-эмоциональное бытие* или, иначе, как биопсихофизическая определенность человека (в данном случае женщины). Максимально пол-функция обнаруживается в специфически женском телесном функционировании — менструациях, беременности, родах, лактации, климаксе, сексе. Адриан Рич, следуя традиции, идущей еще от Отто Вейнингера, выводит именно из телесности специфику женщины. В частности, женское мышление она определяет как «мышление через тело». «Эта способность вырастает из своеобразия психобиологической структуры женщины: высокого уровня развития тактильного восприятия, дара пристального наблюдения, стойкости к перенесению боли, многомерного вживания в телесное» [5, *149*]. Интенсивность женской чувственности, явленная через телесность, вызывала негативные коннотации как по отношению к женскому телу (низшее, нечистое, опасное...), так и к чувствам. Чувства в рационалистической традиции противопоставлялись духовности. Кроме того, чувственность

связывалась с внутренним миром человека, с субъективной реальностью, противопоставлялась внешнему объективному миру. Но чувства — это не «моевнутреннее», чувства — связь внутреннего и внешнего мира. Через чувственно-телесное человек включен в единство бытия, открыт иному, приемлет иное как свое. Но это и есть духовность. Новоевропейская культура сексуальность «сначала объявила постыдным, грязным, “распущенностью”, “извращением”, свела к “принципу наслаждения”, а затем в XX в. и особенно в XXI стала развивать и всячески эксплуатировать этот “культ наслаждения” и “сексуальность”. Совершенно прав Г. Буркхардт, утверждая, что “в основе распущенности лежит не сексуальное поведение, а извращенное отношение к ближним”» [11, *21*]. Он же подчеркивал, что недоразвитая нравственность восходит к нашей недоразвитой чувственности [6]. Следует признать, как это делает А. Рич, что женская биология наполнена духовными возможностями. Именно тело является отправной точкой самоидентификации женщины. Более подробно элементы женской самоидентификации будут рассмотрены чуть позже.

Что же такое пол-сущность? Можно ли вообще говорить о какой-либо сущности при современном всепоглощающем антиэссенциализме?

Традиционно сущность считалась «предназначением», «судьбой», природной или божественной данностью. По отношению к женщине сущностью считалось быть матерью и быть «вещью мужчины», дарить ему наслаждение и вдохновение. То есть «женская сущность» в патриархальной культуре становилась основой дескриминации, признания женщины низшим существом, подругой человека, «вторым полом». Понятно, что феминистские и гендерные исследования отрицают такое понимание сущности.

В нашем понимании «пол-сущность» выводится из концепции К. П. Эстес. К. П. Эстес, в свою очередь, развивает концепцию архетипов К. Г. Юнга. Она выводит общее основание, которое и объединяет, и индивидуализирует всех женщин — архетип «Первозданной Женщины». «Эту могущественную психическую сущность называют инстинктивной природой, однако Первозданная Женщина выходит за рамки подобного определения. Ее можно назвать естественной душой, но это название также не вмещает в себя архетипы Первозданной Женщины. Ее именуют врожденной, основополагающей природой женщины, называют подлинной, неотъемлемой ее сущностью» [16, *20*]. «Пол-сущность» — концентрация многовекового опыта женского существования. К. П. Эстес ярко представляет этот многовековой опыт, родовую взаимосвязь женщин: «Я смотрю вниз и вижу, что стою на плечах старой женщины, а она придерживает меня за лодыжки и улыбается, глядя на меня снизу. Я говорю ей — “Нет-нет, это Вы должны стоять у меня на плечах, ведь Вы старая, а я молодая”. — “Нет-нет” — возражает она, — “все как раз так, как положено”. И тут я вижу, что она стоит на плечах женщины, которая гораздо старше ее, а та на плечах еще более старой женщины, а та — на плечах женщины в пышном одеянии, а та — на плечах... И я поверила той старой женщине: так положено» [Там же, *32*].

Если пол-функция выявляется через противопоставление мужскому, то пол-сущность — еще и через тождество-различие женского. Архетип Первозданной

Женщины индивидуально-вариативен. Женщина выбирает, как и в какой степени реализовать этот архетип. Пол-сущность — единство и множественность возможностей бытия женщиной. Пол-сущность предполагает множественную потенциальность самоопределения. Вместе с тем пол-сущность предполагает установление гармоничной связи, гармоничного взаимодействия между полом-функцией и гендером, реализации духовных возможностей своей биологии в конкретных социокультурных условиях своего бытия. Это переживание женщиной полноты и уникальности собственного бытия. Пол-сущность — возможность, предчувствуемый идеал, желаемый способ существования, к которому женщина стремится, но который труднодостижим из-за внутренней противоречивости между влечениями, исходящими из пола-функции, с одной стороны, и гендерных нормативов — с другой.

Женщина может следовать гендерной норме, подавляя свое женское Я, может сводить пол-функцию к какому-то одному проявлению (например, продуктивному), эксплуатировать эту способность (вспомним Долли из романа «Анна Каренина» Л. Н. Толстого). При этом пол-сущность может не реализоваться, женщина может смириться со своей участью, не раскрывая иные возможности.

Итак, самоопределение женщины — сложный системный процесс, стремление к полноте самобытия через сложное взаимодействие пола-функции и гендера. Основными элементами самоопределения женщины являются телесность, сексуальность, партнерство, материнство, профессиональная деятельность (или шире — включенность в общественное и публичное пространство) и, в современной культуре, потребление. Эти элементы изменяются, трансформируются, перестраиваются в процесс жизни женщины от детства к юности, зрелости, старости. В зависимости от культуры, социального положения, конкретных условий существования элементы раскрываются разным образом, играют разные роли в жизни женщины, дают реальное многообразие женских сценариев жизни, способов «быть женщиной». Именно через процесс самоопределения женщина либо выявляет свой пол-сущность, либо так и не может его проявить.

Как уже отмечалось, исходным элементом мозаичной системы, именуемым «женское», является телесность. Традиционно женщина отождествлялась именно с телом (материнским или объектом желания мужчины). Отсюда и выводились две сферы женского самоопределения: материнство и интимно-личностные отношения с мужчиной. Ценность женского тела связывалась с принадлежностью Другому. В этом аспекте женщина выступала объектом («вещью мужчины» или «вещью ребенка» по Отто Вейнингеру [7]).

Женская телесность определяется конституцией тела и его функционированием, а также гендерными нормами, представлениями о женском теле. Несмотря на то что существует огромное количество вариаций телесной конституции в зависимости от расы, этноса, социальной среды, эпохи, индивидов, в каждой конкретной культуре всегда есть какой-то идеальный тип конституции. Этот идеал красоты работает как «культурная линейка». Женщины, чья телесность отличается от гендерной нормы (как правило, наиболее привлека-

тельной считается фигура «песочные часы»), либо чувствуют себя ущербными, отчуждаются от своего реального тела, либо пытаются подогнать его под норму (с помощью одежды, спорта, диет, пластических операций...). Отчуждение от своего тела связанно и с тем, что относящееся к телу долгое время было табуировано и не имело вербальных средств для выражения. Отсюда — тревожность, невозможность выразить и понять свои телесные переживания.

Феминистские исследования апеллируют к концепциям, утверждающим, что причиной отчуждения тела является «взгляд Другого», а именно мужчины. Другой предстает всегда как субъект; тот, на кого смотрят, — как объект. Было бы слишком однозначно считать, что только мужской взгляд значим для женщины. Не менее значим и взгляд другой женщины. Но дело в том, что женщина смотрит на женщину с позиции растиражированного, нормированного мужского взгляда, закрепленного культурой. Этот оценивающий взгляд делает женщину зависимой. «Поскольку Я — объект оценок, которые стараются меня определить, без того, чтобы я мог воздействовать на это определение и даже знать его, я нахожусь в рабстве» [12, *290*]. Феминистки (Л. Иригари, Р. Брайдотти, А. Дворкин и др.) призывают отринуть нормы женского тела, признать правомерность множественности телесности, принять свое тело не как декоративный предмет. Однако прав и Жиль Липовецкий говоря об ответственности женщин за свое тело. Формируя свое тело, выбирая тот идеал, который привлекателен для женщины, она становится субъектом. В этом случае «идеальное тело» как гендерный образец и реальное тело приходят в гармоничное единство и повышают женскую самооценку. Хотя здесь может быть соблазн иллюзорной телесности, когда женщина не хочет считаться со своими особенностями, с возрастом. Как отмечала К. Хорни, «полная женщина средних лет видит себя в зеркале молоденькой девушкой» [14, *72*].

Принять свое тело женщинам еще труднее в пожилом возрасте, ибо социальная геронтофобия порождает множество дополнительных страхов и негативных стереотипов. Крайностями здесь выступают как игнорирование предписываемой пожилому возрасту манеры поведения, так и отчаяние, явленное в пренебрежении к внешности, в отказе от настоящего и будущего. Иллюзии, как и отчаяние, дисгармоничны. Женщине важно знать о своих телесных ограничениях, но не доводить их до геронтофобских или других гендерных негативных стереотипов.

Вторым элементом самоопределения, тесно связанным с первым, является сексуальность. Сексапильность выступает как гендерный идеал современной женщины. Но это лишь иллюзия общественного признания женской сексуальности. По-прежнему превалирует маскулинная позиция, выводящая женское желание из мужской страсти. Множественность, флюидность, «разлитость» по всему телу женской сексуальности либо не принимаются, либо кажутся пугающими, неопределенными. Женское желание больше ориентировано не на взгляд (как мужское), а на тактильность, прикосновения. Спектр проявлений женской сексуальности связан с различными видами удовольствий: моральным, эротическим, телесным или даже отсутствующим [13]. На этой основе выделяются различные женские типы: «асексуальная женщина»,

«влюбленная женщина», «сексуально-востребованная женщина», «желающая женщина», «женщина-подруга» и т. п.

Партнерство, или личностно-интимные отношения с Другим, прежде всего с мужчиной, как элемент самоопределения включает как сексуальные отношения, так и статусные отношения господства-подчинения и т. п. Женский тип партнерства, с одной стороны, определен патриархальной культурой, где доминируют субъект-объектные властные отношения. Мужчина — высшее существо, субъект, женщина — низшее, объект. С другой стороны, женский тип партнерства — горизонтальные отношения с учетом позиции Другого, стремление не к господству-подчинению, а к консенсусу.

Вообще, можно выделить несколько основных типов отношений с Другим: субъект-объектные отношения обладания (Я — Оно), субъект-субъектные отношения состязательности, соперничества, конкуренции (Я — Он), бессубъектные отношения тоталитарного или конформистского массового человека (где индивидуально-личностное стирается коллективистским) и отношения Я — Ты, где каждый уникален и неповторим и в то же время близок. В той или иной мере, в разных ситуациях они присутствуют и в женском типе партнерства. В традиционной культуре женщина гендерно определялась как объект. В XX в. эмансипация привела к субъект-субъектным отношениям между мужчинами и женщинами и между женщинами. Традиционно мир женщины — сфера частного, а мир мужчины — публичного. По мнению Ханны Арендт [2], потаенное и настоятельно необходимое — сущностные признаки частного мира. Женщина охраняет границу своего потаенного независимо от близости с мужчиной. Женщина лишь частично впускает мужчину в свой частный мир. Сфера частного находится во власти женского. И здесь женщина выступает как субъект, даже если она является «жертвой». Власть «жертвы» (жертвенность во имя Другого) — одна из сильнейших и труднопреодолимых. Ощущая себя жертвой, женщина господствует с позиции «жертвы». А уж если женщине удается преодолеть позицию «жертвы», то она выходит в новые для нее сферы в качестве субъекта.

Справедливости ради надо отметить, что уже новоевропейская сексуальная революция породила ситуацию возможности выхода женщины в публичную сферу, но особым образом. Когда женщина поняла, что мужчина нуждается в ней как в теле, то сумела этим воспользоваться. Пройдя постели великих мира сего, многие женщины стали явными (Екатерина I, Екатерина II) или неявными (Жозефина) правительницами. Традиционная поговорка «Женщина — шея, мужчина — голова. Куда шея повернет, туда голова и смотрит» уже признает женщину субъектом. При этом главное — скрытность властной позиции. Эту женскую хитрость провозглашают женской мудростью. В XXI в. многие мужчины уже не стремятся главенствовать (по крайней мере в семье), готовы стать «подкаблучниками». То есть субъектность женского нельзя отрицать в сфере частного.

Отношения Я — Ты проявляются как реализация пола-сущности. Отношения Я — Ты хрупки и недолговечны, но без них, как отмечал М. Бубер, нет человека.

Еще одним элементом женского самоопределения является материнство. Материнство сопрягается с полом-функцией и полом-сущностью. Гендерно материнство признается оправданием женского существования. Материнство сплавляет природу, культуру, индивида и род. Материнство возникает у женщины задолго до рождения ребенка и даже до его зачатия. Оно формируется с детства (игра в «дочки-матери», забота о ближнем и др.). Хотя возможны разные сценарии его реализации: боязнь материнства, острое стремление к материнству, формальное материнство, отказ от материнства [9, *97–101*]. Спектр самоопределения колеблется между пониманием репродуктивности как проклятия и бремени женщины до признания материнства как высшей ценности. В современном обществе ценность материнства формально признается, но реально женщина-мать лишена социального капитала и серьезного приоритета ценности материнства как общественного блага.

Профессионализм — выход в общественную сферу — первоначально выступал для женщины как крайнее, нежелательное средство для обеспечения жизни ее и семьи и оценивался негативно. С процессом демократизации и в результате феминистских движений в борьбе за равноправие общественный труд стал оцениваться как условие самореализации и способ самоутверждения человека, в том числе женщины. В профессиональной сфере женщина выступает «в качестве актора, ответственного за спектакль разыгрываемой им жизни» [4, *183*]. Профессионализм предполагает саморазвитие женщины (уровень образования, осведомленность, умение принимать решения, общественное признание...). У современных женщин достижение мечты о профессии стало одной из главных жизненных установок и ценностей. Профессиональная деятельность в определенной мере обусловлена полом-функцией. М. Вислоцкая связывает уровень профессиональной активности с уровнем эстрогена — гармона женственности [8]. Именно высокоэстрогенные женщины наиболее успешны в профессии. Профессиональная активность нередко приходит в противоречие с материнством, ведет к дисгармоничности женского самоопределения. Если же женщине удается совместить сферу частного (семейного) и публичного (профессионального, социально-политического и т. п.), то достигается идеал полноты женского бытия, обозначенный как пол-сущность.

Потребление как элемент женского самоопределения выходит на первый план в современном обществе. В данной статье нет необходимости специального разговора о роли потребления и его специфике в современной культуре. Этому посвящено огромное количество работ. И во многих из них специально говорится о «женском маркетинге». Женщина определяет себя с помощью потребления (Я есть то, что я потребляю). Многие авторы ссылаются на природные основы потребления женщины, связанные с полом-функцией («высокая степень эмоциональности», «спонтанность покупок»). Вместе с тем отмечаются рациональность и взвешенность решений при покупках, которая связывается с умением планировать семейные расходы, обеспечивать семью необходимым и т. п. [1].

Современные маркетинговые технологии эксплуатируют два основных подвида потребительниц: домохозяйка и сексапильная красотка. Домохозяйка,

посвятившая себя дому и семье, выступает противоположностью деловым женщинам и социально-ориентированным мужчинам. Домохозяйка — популярный герой рекламы. Этот традиционный гендерный стереотип не только не разрушается, но и еще более эксплуатируется. Кстати, образ мужчины, занимающегося домашним хозяйством, явленный в рекламе, не противоречит отмеченному стереотипу. Рекламный мужчина — «неумеха», нуждающийся в женских инструкциях.

Женское потребление связывают с определенными потребностями и товарами (сфера специфических, телесных, физиологических потребностей в женских средствах гигиены, индустрия красоты, индустрия моды, сфера досуга, сфера домохозяйства). Но также именно с женщинами связывается понятие «просьюмер», т. е. профессиональный потребитель, компетентный потребитель. Это потребитель, ориентированный на собственный взыскательный вкус, который предъявляет к товарам бóльшие требования, чем среднестатистический потребитель. Такой потребитель превращает потребление не только в способ удовлетворения потребностей или способ конструирования своей идентичности, но и делает его способом самореализации, творческого самовыражения [3]. Женщина перестает быть пассивным объектом потребления или воздействия рекламы, становится субъектом собственной потребительской деятельности, проявляет себя как пол-сущность.

Следует отметить, что основные элементы женского самоопределения сочетаются сложным многообразным мозаичным способом, т. е. при ценности каждого они соединяются как в детском калейдоскопе, реализуя множество вариантов пола-сущности.

---

1. *Андерхилл П.* Как покупают женщины и мужчины [Электронный ресурс]. URL: http://www.elitarium.ru/2004/09/22/print:page,1,kak_pokupajut_muzhchiny_i_zhenshhiny.html (дата обращения: 07.07.2014).

2. *Арендт Х.* Vita active, или О деятельной жизни : пер. с нем и англ. СПб., 2000.

3. *Батюта Е. А.* Компетентный потребитель в имитационной культуре // Омский науч. вестн. 2008. № 5 (72). С. 122–123.

4. *Бек У.* Общество риска. На пути к новому модерну. М., 2000.

5. *Брандт Г. А.* Философская антропология феминизма: природа женщины. Екатеринбург, 2004.

6. *Буркхард Г.* Непонятая чувственность. Набросок антропологии чувственности [Электронный ресурс]. URL: http://www.ontology.pu.ru/index.php?id=64 (дата обращения: 03.07.2014).

7. *Вейнингер О.* Пол и характер: мужчина и женщина в мире страстей и эротики. М., 1991.

8. *Вислоцкая М.* Искусство любви 20 лет спустя. М., 1992.

9. *Ершова Н. М., Мясникова Л. А.* Путь к себе: женщина между полом и гендером. Екатеринбург, 2007.

10. *Лорбер Дж., Фаррел С.* Принципы гендерного конструирования // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000. С. 187–192.

11. *Мясникова Л. А.* Апология человеческой чувственности // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 13. С. 21.

12. *Сартр Ж. П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М., 2002.
13. *Темкина А. А.* Сценарии сексуальности и гендерные различия // В поисках сексуальности : сб. ст. СПб., 2002. С. 247–286.
14. *Хорни К.* Наши внутренние конфликты // Психоанализ и культура: избранные труды Карен Хорни и Эрика Фромма. М., 1995. С. 7–189.
15. Шелер М. Положение человека в космосе [Электронный ресурс]. URL: http://www.ontology.pu.ru/index.php?id=8 (дата обращения: 03.07.2014).
16. *Эстес К. П.* Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. Киев ; М., 2002.

Рукопись поступила в редакцию 17 июля 2014 г.

УДК 340.113 + 340.12 + 101.3 + 316.334.4 **С. С. Силби**

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРЫ ЛЕГАЛЬНОСТИ

В статье анализируются генезис и содержание понятия «правовая культура» в его взаимосвязи с такими смежными понятиями, как «легальность», «культуры легальности», «правовое сознание», «правовая идеология» и др. Делаются выводы о перспективности исследования феномена правовой культуры в интегральном междисциплинарном поле.

К л ю ч е в ы е с л о в а: право, легальность, правовая культура, культура, культуры легальности, правовое сознание, правовая идеология.

Понятие «культура» традиционно служило предметом оживленных научных споров и дискуссий, а появившись в социоправовых исследованиях, спровоцировало еще более ожесточенную полемику. Значение слова «культура» многообразно, внутренне нестабильно и размыто как с теоретической, так и с практической точки зрения. Совмещение слов «правовой» и «культура» лишь усиливает разногласия по поводу их смыслового наполнения. Сложности возникают из-за смешения двух значений слова «культура». В одном оно используется для обозначения сферы убеждений и практик, свойственных конкретной группе людей. Культура во втором значении носит скорее теоретический характер, это абстрактная *система* символов и смыслов, которая является продуктом и контекстом социального действия. В первом случае термин «культура» обозначает специфические обычаи, взгляды и практики, присущие конкретной группе или обществу, поэтому он, как правило, используется во множественном числе (например, правовые культуры Японии и Китая, латиноамериканские правовые культуры). Во втором случае данный термин имеет теоретический характер и используется в единственном числе: например, «правовая культура» или «академическая культура».

Всплеск интереса к понятию «культура», ставший результатом так называемого культурологического поворота 1980-х гг., привел к тиражированию

© Силби С. С., 2014